

Надо зеленеть...

Фантастический рассказ

Он встал, как всегда, бесшумно, чтобы не разбудить жену. Было около шести по местному времени. В узком осклок-ке слюды, который он прошлым летом оправил деревом, смутно отразилось его большое нескладное тело. «Будто в спешке собирали», — мельком подумал Ким и улыбнулся.

Он жил уже четвертую жизнь — двести сорок восемь лет от первого рождения и немногим больше тридцати от последнего — и каждый раз, меняя износившийся организм, до мельчайших деталей воссоздавал и свою не очень удачную телесную оболочку. Его приверженность к традиционной биоформе другие Импровизаторы считали чудачеством, прихотью мастера, потому что любая стабильность в изменяющемся мире всегда стоит немалых усилий; гораздо проще придумать себе тело более современное и удобное для работы. Он знал, что начинающие Импровизаторы охотно выращивают массу дополнительных органов чувств, дублируют сердечно-сосудистую систему, объясняя все эти приготовления будущими трудностями. Как же, им предстоит воистину божественное занятие — находить безнадежные, потенциально непригодные к самозарождению жизни миры и пробуждать их, оплодотворять сначала устойчивыми органическими соединениями, затем... Словом, каторжный труд генного проектировщика, обученного методам формирования материальных структур при помощи психополя. Ким всяческие эксперименты с собственным телом считал ба-ловством, пустой тратой сил и времени. По этому поводу он как-то бросил фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Настоящий Импровизатор должен быть консервативнее природы; ей что, матушке, она могла экспериментировать миллионы лет, у нас же есть сроки и осознанная цель»,

...Лес дымился свежей зеленью. Его наполняли бесчисленные шорохи и сдержанное движение: деревья разматывали свитки огромных листьев, готовясь с первыми лучами Звезды собирать драгоценную энергию.

Он потянулся, заложил руки за спину. И тотчас, как было уже не раз, в них ткнулась острая холодная мордочка.

— Это ты, Одноушко Мокрый Нос? — спросил Импровизатор, не оборачиваясь. — Выспался, разбойник?

Из-за отрогов Сумрачных гор уже пролились первые ручейки зари. На какой-то миг он вдруг почувствовал то ли приступ досады, то ли прикосновение скуки. Та же бессонница, сгоняющая ни свет ни заря с удобного ложа, тот же рыжий одноухий пес, скорее даже волк — животное ласковое, однако постоянно не ладающее со своими соплеменниками по стае.

«Не загрузил ли ты, старче? — спросил себя Ким. — Может, тебе надоел этот Рай, а? Может, тебя потянуло к людям? В толкотню, беготню, когда локоть в бок, когда в затылок друг другу дышишь. Иначе откуда бессонница и суета мыслей? Почему вдруг самое дорогое — плоть от плоти твоей — становится постылым и чужим? Но нет. Ты просто обленился. Ты забыл, что и Рай надо совершенствовать. Тебе наконец пора заняться делом».

Импровизатор вспомнил сегодняшнюю ночь и прикрыл глаза, наслаждаясь отрывками видений-воспоминаний, таких ярких, будто все повторялось вновь и наяву, а не в памяти.

...Он дунул на «подсолнух» — желтый здоровенный цветок, который создал специально для освещения, — и живой ночник погас.

— Почему ты дрожишь? Тебе холодно? Не надо так много купаться перед сном.

— Нет, Кимушка. Мне хорошо... с тобой. Только мне чуть-чуть страшно. Скоро, наверное, придут ветры. Я чувствую их приход.

— Глупенькая. Чем они нам помешают?

— Я не боюсь ветра. Но он приходит, когда приближается Звезда. Она становится тогда огромной, косматой... Она может упать на наш дом. Ты сам как-то говорил...

— Спи, малыш, спи. До лета еще далеко, но чтобы тебя успокоить... Я завтра же пойду к пустоши. Там мои глаза и уши, которые стерегут нашу Звезду. Все будет хорошо.

— Ох, Ким. Ты обещаешь и каждый раз забываешь сходить. Ветер уже близко.

— Нет, нет, несмышлениш. Это всего лишь мое дыхание...

Великий Импровизатор отогнал от себя ночные шепоты, взглянул на дом. Жена все еще спала. Он представил, как она спит: на левом боку, колени подогнула, дыхание такое тихое, будто Отрада притаилась и к чему-то прислушивается. Он вспомнил ее всю, желанную и прекрасно-бесстыдную (господи, природе стыд незнаком), и подумал, что такое, наверное, известно только ему — любовь в трех ипостасях. Мужа, отца — это знакомо, аналогов хоть отбавляй, но Создателя...

— Схожу-ка я, Одноушко, к пустоши, — он ласково потрепал

мордочку зверя. — Давно надо сходить, а я все ленюсь. Схожу, пока жена спит...

Он свернул на тропинку, которая вела через лес, где семь лет назад причалил его корабль и где по сей день дежурили приборы автоматической гелиостанции, — Звезда, к несчастью, попаласть нестабильная.

«Почему «попаласть»? — подумал с непонятной горечью Импровизатор. — Ты сам выбрал ее. Ее и вот этот обломок, который и планетой-то нельзя назвать... Сам! Все сам».

Это были непривычные мысли, как и приступ тоски, как воспоминания, непривычные и непрошенные. Раньше их не было. Раньше все было предельно ясно. Теперь, по прошествии семи лет... Что же изменилось? Что выкопал из недр души самоанализ, привычка к которому для Импровизаторов есть жизненная необходимость. Что он выкопал? Очередную дурь или... неизбежную мудрость, которая настигает всякого думающего человека. Если это мудрость, то чего ему не хватает в своем рукотворном Раю? Созердай, размышляй, отдыхай...

Совсем некстати Ким вдруг вспомнил свое прощание, свой уход...

Он сам выбрал Звезду и, когда корабль-матка вынырнул около нее из подпространства, стал поспешно собираться.

Генрих, командир корабля, его давнишний друг по третьей и четвертой жизни, упорно молчал, и это молчание рассердило Кима.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сухо заметил он. — Долг... творчество... нет ничего возвышенней, чем созидание жизни... ученики Великого... Ты забыл, что я свободный человек и по сему имею, кроме обязанностей, кучу прав. Я выбрал из них одно — покой, отдых, называя это как хочешь. Не будешь же ты отрицать...

— Не буду, — грустно согласился Генрих. — Но все равно это эгоистично — двести сорок лет знать только долг, и вдруг... Импровизаторов много, есть профессионалы не хуже тебя. Но Великим нарекли только одного. Как ты думаешь, почему?

— Но я выдохся! — Ким рассердился всерьез. — Я запорол целую планету. Подумать только — не учел один вид, букашечку, и вся эволюционная постройка рассыпалась, рухнула. Ты знаешь, что я после Дзинтры спать не могу? Все думаю: как я мог так оплошать? Как?! Теперь там придется все переделывать. Заново! И это после Великого... — Он попытался рассмеяться, но у него ничего не получилось.

— Нет, — покачал головой Генрих. — Все это слова... Великим тебя нарекли за верность долгу. Ты стал символом нашей профессии... Но почему ты уходишь после первой же неудачи, этого не поймет никто. Мы не боги, каждый из нас имеет право на ошибки. Только гордость... Только непомерная гордыня напечтала тебе, что лучше уйти от дел, спрятаться.

— Я устал, — обескураженно пробормотал Ким. — Я беру себе самое малое — безжизненный мирок, который, кстати, в любое время может сжечь плазменный выброс светила. Я превращу его в рай и наконец отдохну...

Генрих отвернулся.

— Мне жаль тебя, дружище, — сказал он на прощание. — Ты устал — значит, ты умер. А твое «кстати» опять бравада. Ты хочешь, чтобы тот мир зависел только от тебя?! Мне жаль тот мир.

Он давно не ходил к пустоши, и лесную тропинку захлестнула буйная растительность. Под ногами пружинил мох, то и дело приходилось отводить от лица пушистые листья. Ким даже погладил один из них — это тоже был его шедевр: смоделированная им растительность за два года напитала разжиженную атмосферу Рая живительным кислородом. На третьем году здесь появились птицы. А в феврале пятого в биованне закопшилось шесть щенков — три пары. Одного из них он назвал впоследствии Одноушко Мокрый Нос.

Взошла Звезда. Светило стояло над горизонтом низко, в мутно-желтой дымке. Даже невооруженным глазом было видно, как беспокойно колыхается его плазменное тело. Ким ощутил укол тревоги и ускорил шаг.

«В самом деле Звезда ведет себя угрожающе, — подумал он. — До летней пульсации еще полтора месяца, а она пухнет буквально на глазах. Странно. Она пухнет, а стабилизатор не сработал. Почему? Я слишком беспечен. Ну ничего. Мы тебя сейчас быстро успокоим...»

Вместе с некоторым беспокойством еще острее отозвалось в нем чувство Создателя, которое он умозрительно мог сравнить разве только с чувством материнства. Родство с этим миром для него заключалось не в философско-отвлеченных понятиях, а в семи годах изнурительного труда, в постоянном напряжении психики, граничащем с нервным истощением. Он помнил, он знал этот мир мертвым. Теперь тут действительно Рай, а он его беспечный хозяин... Потому что на все махнул рукой... Остатки выдумки и таланта он отдал Отраде, запретному плоду, который, наверное, грезится каждому, кто умеет создавать жизнь. Хотел ли он, чтобы его творением стала женщина? Ким в который раз задал себе этот вопрос и в который раз ответил: «Нет и нет!» Он хотел утвердиться в своих профессиональных возможностях — вот что бесспорно. Но, видимо, Рай не успокоил его душу... Тогда, может, он видел женскую сущность своего создания подсознательно? Может, при конструировании генной матрицы его раскаленному, почти бесчувственному мозгу нашептало что-то одиночество? По крайней мере, когда он очнулся после акта творения, он ничего такого не знал. Вот именно — не знал, подозревать мог всякое, но знать не знал...

Лес кончался. Под ногами захрустели кремниевые пластинки скального косогора. Еще немного, и откроется пустошь.

...Да, он не думал тогда о возможном наказании. Кто-нибудь всегда переступает запрет первым. Наверное, тот, кто почувствует, что может переступить. Он смог. «Пусть теперь порицают, — думал он тогда. — Все равно это самый грандиозный эксперимент, который ставил когда-либо человек». Единственное, что смущало его, так это бесхитрость ума подопеч-

ной. Смущало и радовало... Ким, увы, не был психологом, но искреннюю любовь, с которой льнула к нему Отрада, распознать сумел.

— Ах, ах, ах! — закричал в зарослях удивленнш. Эта крохотная птица была создана им во время последней экологической релаксации, а для чего, уже успел и запомнить.

Было чему удивиться.

В долине, где лес разрывала обширная плешь, на башенке автоматической гелиостанции пылали сразу три сигнальных огня — «опасно», «очень опасно» и «смертельная опасность».

Он побежал вниз по склону к гелиостанции.

«Приборы, скорее взглянуть на приборы...» Сердце забухало часто-часто, во рту пересохло.

— Ах! — вскрикнул удивленнш.

Поздно!

Звезда вдруг начала расползаться, странный голубой свет пал на холмы и леса. С криком ужаса Импровизатор рухнул между камней. Прежде чем звездный огонь опалил землю, подсознание, древний инстинкт самосохранения стеганули мозг командой — спасайся! сохранись! Тело его мгновенно покрылось сверхпрочным панцирем, превратилось в каменный кокон. И чем яростней жег звездный выброс, тем толще становился панцирь, тем глубже уходило сознание в камень, пока не померкло, не выдержав огромной нагрузки.

«Где я? Что со мной?»

Появилась мысль, и он понял, что очнулся, хотя все ощущения подсказывали — ты мертв! Тишина. Мрак. Грудь не вздымает дыхание... Мгновенно, будто ее включили, вернулась память. В мозг, впрессованный в толщу глыбы, будто ядро ореха в скорлупу, хлынуло понимание и боль, боль, боль...

«Милая моя!» — вскрикнул он мысленно. Душа его мычала от горя, желала бы разорваться, но ни одно движение не проникало в камень, бывший некогда его телом. Какие-то рефлекторно созданные биосистемы питали его мозг, он не знал их устройства, не мог сразу же уничтожить, и эта невозможность умереть, убить себя была как насмешка судьбы. «Милая моя, — плакал он без слез, — Ты знала, знала... Ветер был рядом, за спиной... Слепой крот! Я захлебывался счастьем в Раю, а Рай уже горел. Созидающее деяние подразумевает бескорыстность. Я же строил все для себя. Мир, тебя, одного пса... Будь проклят я, Великий Эгоист...»

Продолговатый камень, зацепившийся на склоне холма, медленно остывал. Его оплавленные бока почернели, покрылись сетью глубоких трещин. Внутри его неслышно и невидимо металась обезумевшая мысль Импровизатора:

«Да, ты теперь камень. Пусть все остается как есть... Но мука, мука! Она источит камень...»

«Умереть, остыть, рассыпаться в прах. Как еще может умереть камень? У меня нет рук, чтобы наложить их на себя. Нет ног, чтобы убежать от самого себя.»

«Вернуться? Выйти из кокона? Бороться и побеждать? Конечно, человеческая биоформа сейчас не подойдет — слиш-

ком высок уровень радиации. Вернуться — это значит возвратиться к человеческой деятельности, начать все сначала. Но где взять силы?»

«У меня тренированная мощная воля. Неужели она не победит инстинкт самосохранения? Погасить мозг — вот что мне нужно, единственно необходимо. Только перед тем...»

Это было последнее желание, и он решил тут же выполнить его, чтобы не продлевать понапрасну муки.

Ким выращивал глаза.

Он нашел в своем коконе микроскопические трещины, и две ниточки клеток устремились к поверхности камня, чтобы там превратиться в мышцы, окружающие глазные яблоки, наполнить их стекловидным телом и дать каждому по хрусталику.

Он делал все наспех, и изображение получилось сначала расплывчатым, радужным. Импровизатор тотчас же отрегулировал резкость.

«...Пустыня. Как и семь лет назад. Черные камни, оплавленные обломки гелиостанции, никому не нужная коробка корабля, которая могла бы спасти, спасти... Господи, как я задержался! Уже скоро, любимая, подожди чуть-чуть... Там, на юге, за лесом, где был дом мой, что там? Ничего. Только пепел, пепел, пепел...»

Изображение опять заколебалось, расплылось. И тут он понял, что моделировал глаза, не приспособив их к среде, к условиям, обычные человеческие глаза, и что они лежат сейчас на камне и... плачут.

Кое-что снаружи он все-таки различал. Валуны, огромные, но как-то странно дрожащие, наползающие друг на друга, какие-то белесые космы — неподалеку, по-видимому, сочился дым, зеленое пятнышко в расселине скалы.

Зеленое... Киму вдруг вспомнился Генрих. Он прилетел тогда к Дзинтре, чтобы забрать его, подавленного и ошеломленного неудачей, и начал сразу же уговаривать: мол, не все потеряно. Он даже деревце уговаривал, хотя совершенно не владел методами психофизического воздействия на материю. Присел возле саженца, поглаживал его и внушал: «Надо зеленеть, братец. Что же ты накуксилось? Надо зеленеть».

Да, теперь он видел отчетливо: в расселине сохранилась горстка травы, это точно. Но что с того, что? Пора кончать. Камню пора стать камнем.

Ким попытался разобраться в своем новом естестве, чтобы понять механизм его действия и сломать, убить. Но что-то мешало ему сосредоточиться.

Наконец он понял: трава, мешает зеленая трава в расселине. Он попытался прикрыть веки или как-то повернуть глаза, но у него ничего не вышло — мышцы получали недостаточное питание.

И тогда в его опустошенном сознании шевельнулась крамольная мысль:

«А зачем камню глаза? Это, собственно, уже не камень... Ты уже не камень, слышишь?! Ты уже не камень!..»

Он пытался отогнать мысль, а она возвращалась и возвращалась.